

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.07.2026 г.

DOI: 10.24412/3033-7518-2026-2-59-63

ГРУДЦЫНА Людмила Юрьевна,
доктор юридических наук, профессор, декан факультета
профессиональной переподготовки Московского института
профессионального образования им. К.Д. Ушинского,
председатель Московской городской коллегии адвокатов «Норма права»,
Почетный адвокат России, эксперт РАН,
ORCID 0000-0001-7731-724X,
<https://ludmilagru.academia.edu/research>,
e-mail: ludmilagr@mail.ru

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРАВОСУДИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье исследуются конституционно-правовые основы цифровизации правосудия в Российской Федерации. Обосновывается, что цифровизация судебной деятельности не является исключительно организационно-техническим процессом, поскольку она затрагивает содержание права на судебную защиту, принципы независимости суда, открытости разбирательства, состязательности и равноправия сторон. Автор доказывает, что электронное правосудие допустимо только как инструментальная форма осуществления правосудия, но не как замена суда, судьи и процессуальной формы алгоритмическими процедурами. Особое внимание уделено электронным документам, веб-конференциям, доступу к судебной информации, защите персональных данных и пределам использования искусственного интеллекта в судебной сфере.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации; судебная защита; цифровизация правосудия; электронное правосудие; электронный документ; веб-конференция; открытость суда; искусственный интеллект; персональные данные.

GRUDTSINA Ludmila Yuryevna,
Doctor of Law, Professor, Dean of the Faculty of Professional Retraining of the
Moscow Institute of Vocational Education named after K.D. Ushinsky,
Chairperson of the Moscow City Bar Association «Norma Prava»,
Honorary Attorney of Russia, Russian Academy of Sciences expert

CONSTITUTIONAL AND LEGAL BASIS FOR THE DIGITALIZATION OF JUSTICE IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. This article examines the constitutional and legal foundations of the digitalization of justice in the Russian Federation. It is argued that the digitalization of judicial activity is not solely an organizational and technical process, as it affects the content of the right to judicial protection, the principles of judicial independence, openness of proceedings, adversarial proceedings, and equality of arms. The author demonstrates that e-justice is permissible only as an instrumental form of administering justice, but not as a replacement for the court, judge, and procedural form with algorithmic procedures. Particular attention is paid to electronic documents, web conferencing, access to judicial information, personal data protection, and the limits of the use of artificial intelligence in the judicial sphere.

Key words: Constitution of the Russian Federation; judicial protection; digitalization of justice; e-justice; electronic document; web conferencing; openness of the court; artificial intelligence; personal data.

Цифровизация правосудия в современной России перестала быть периферийным направлением организационного обеспечения судов. Электронная подача процессуальных документов, дистанционное участие в судебных заседаниях, электронные уведомления, публикация судебных актов, доступ к материалам дела в

цифровом виде и автоматизация судебного делопроизводства постепенно формируют новую среду осуществления судебной власти. При этом ключевой научный вопрос состоит не в том, насколько удобны цифровые сервисы, а в том, совместимы ли они с конституционной природой правосудия [10].

Конституция Российской Федерации не содержит специальной нормы о цифровом правосудии, однако ст. 46, 118, 120 и 123 Конституции РФ задают обязательные пределы любой технологической модернизации суда: каждому гарантируется судебная защита прав и свобод; правосудие осуществляется только судом; судьи независимы и подчиняются только Конституции РФ и федеральному закону; разбирательство дел открыто, а судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон [1]. Следовательно, цифровизация допустима не сама по себе, а лишь постольку, поскольку она усиливает эти гарантии.

Цель статьи заключается в выявлении конституционных оснований, гарантий и пределов цифровизации правосудия в Российской Федерации. Для этого необходимо рассмотреть цифровизацию как способ реализации права на судебную защиту, раскрыть нормативную архитектуру электронного правосудия, определить основные риски цифрового неравенства и информационной безопасности, а также обозначить пределы применения алгоритмических систем и искусственного интеллекта в судебной деятельности [8].

1. Конституционная природа цифровизации правосудия

Правосудие не является разновидностью публичной услуги. Суд не просто обеспечивает гражданину удобный канал взаимодействия с государством, а разрешает правовой конфликт в установленной процессуальной форме. Именно поэтому цифровизация судебной системы должна оцениваться не по критерию скорости или экономии ресурсов, а по критерию сохранения конституционных гарантий справедливого судебного разбирательства.

Статья 118 Конституции РФ закрепляет, что правосудие осуществляется только судом [1]. Из этого следует принципиальный вывод: цифровая платформа, автоматизированный модуль, система электронного документооборота или искусственный интеллект не могут быть субъектами правосудия. Они вправе выполнять вспомогательные функции, но не могут заменить судью, судебное усмотрение, мотивировку решения и процессуальную ответственность суда перед участниками дела и обществом.

Право на судебную защиту в цифровой среде приобретает дополнительное измерение. Оно включает не только возможность обратиться в суд, но и возможность использовать предусмотренные законом электронные способы взаимодействия с судом. Однако отсутствие электронной подписи, цифровых навыков, устойчивого доступа к сети Интернет или возможности пройти идентификацию не должно ставить лицо в худшее процессуальное положение. Поэтому конституционно оправданной является многока-

нальная модель доступа к суду: бумажная форма, электронная форма, очное участие и дистанционное участие должны сосуществовать, пока цифровая доступность не станет реально равной для всех участников [9].

Принцип независимости судей в условиях цифровизации также получает новое содержание. Независимость означает не только защиту от внешнего административного давления, но и защиту от скрытого алгоритмического влияния. Если информационная система предлагает судье проект решения, прогноз исхода дела или статистическую модель типичного поведения по аналогичным спорам, такая рекомендация не должна превращаться в фактический стандарт, отклонение от которого требует оправдания. Судья подчиняется Конституции и федеральному закону, а не логике цифровой системы [1].

Цифровизация правосудия, таким образом, является конституционно допустимой только как инструментальное усиление судебной защиты. Ее назначение — сделать обращение в суд более доступным, судебную информацию более открытой, процессуальную коммуникацию более оперативной, а судебное администрирование более эффективным. Но она не вправе изменять сущность правосудия как деятельности независимого суда, осуществляемой в процессуальной форме [10].

2. Нормативная модель электронного правосудия

Правовое регулирование цифровизации правосудия в России имеет многоуровневый характер. Его основу образуют Конституция РФ, Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации», процессуальные кодексы, законы об информации, персональных данных, электронной подписи и доступе к судебной информации, а также программные документы судебной системы [1; 2; 3; 4; 5; 6]. Такая архитектура в целом отражает комплексную природу цифрового правосудия, но одновременно создает проблему фрагментарности регулирования.

Значительный этап был связан с Федеральным законом от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ, который закрепил применение электронных документов в деятельности органов судебной власти [7]. Этот закон признал электронную форму юридически значимой для процессуального оборота. Дальнейшее развитие было связано с Федеральным законом от 30 декабря 2021 г. № 440-ФЗ, который расширил возможности подачи документов через Единый портал государственных и муниципальных услуг, информационные системы, определенные Верховным Судом РФ и Судебным департаментом, а также закрепил новые правила дистанционного участия в заседаниях [8].

В гражданском процессе участие в судебном

заседании с использованием системы веб-конференции возможно по ходатайству участника и при наличии технической возможности суда. Установление личности производится с использованием информационно-технологических средств, а суд отказывает в таком участии при отсутствии технической возможности либо при рассмотрении дела в закрытом заседании [9]. Сходные подходы развиваются в арбитражном и административном судопроизводстве [10; 11]. Тем самым веб-конференция стала не неформальным способом связи, а процессуально значимым действием.

Особое значение имеет Федеральный закон № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации», поскольку цифровая среда расширяет формы судебной открытости: сайты судов, электронные картотеки, расписания заседаний, публикация судебных актов и справочные сервисы [3]. Вместе с тем доступ к судебной информации должен сочетаться с защитой частной жизни и персональных данных, что требует применения Федерального закона № 152-ФЗ [5].

Технологическую основу цифровизации в судах общей юрисдикции образует ГАС «Правосудие». Информационно-аналитический центр поддержки ГАС «Правосудие» указывает, что система является территориально распределенной информационно-телекоммуникационной системой, предназначенной для автоматизации рабочих процессов судебной системы и формирования единого информационного пространства; она охватывает более 3000 объектов автоматизации и порядка 120 тысяч автоматизированных рабочих мест [16]. Масштаб системы показывает, что вопросы надежности, безопасности и равномерности цифровой инфраструктуры имеют уже не техническое, а конституционно-правовое значение.

Программные документы судебной системы свидетельствуют о переходе от простой информатизации к цифровой трансформации. Концепция информационной политики судебной системы на 2020-2030 годы направлена на развитие открытости и доверия к судебной власти [14]. Концепция информатизации судов и системы Судебного департамента до 2030 года определяет технологические приоритеты развития судебной инфраструктуры [15]. В 2025 г. Верховный Суд РФ сообщил о разработке Концепции цифровой трансформации судебной системы, включающей развитие электронного судопроизводства, личных кабинетов, электронных уведомлений и снижение рисков информационной безопасности [18]. В 2026 г. в Судебном департаменте создан экспертно-консультативный совет по вопросам цифровой трансформации судебной системы [17].

3. Конституционные гарантии и риски цифрового правосудия

Первой гарантией является реальный доступ к правосудию. Электронная подача документов и дистанционное участие могут снизить расходы и временные барьеры, особенно для жителей удаленных территорий, лиц с ограниченными возможностями здоровья, представителей организаций и адвокатов. Однако электронный сервис сам по себе еще не означает доступности. Если гражданин не способен воспользоваться сервисом без квалифицированной помощи, цифровизация превращается из гарантии в препятствие.

Отсюда вытекает проблема цифрового процессуального неравенства. Оно возникает тогда, когда процессуальная возможность фактически зависит от уровня цифровой грамотности, качества связи, наличия электронной подписи, устройства, учетной записи или биометрической идентификации. Конституционно корректная модель должна исключать ситуацию, при которой техническая неподготовленность лица влечет утрату права на защиту. Электронный канал должен быть удобным и приоритетно развиваемым, но не репрессивно обязательным [11].

Вторая гарантия — открытость судебной власти. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 декабря 2012 г. № 35 подчеркивает значение открытости и гласности судопроизводства, а также доступа к информации о деятельности судов [13]. В цифровую эпоху открытость получает новые формы, но одновременно требует более тонкого баланса. Публикация судебных актов и сведений о делах усиливает публичный контроль, но может повлечь чрезмерное раскрытие персональных данных, сведений о семейной жизни, здоровье, несовершеннолетних, имущественном положении и иных чувствительных обстоятельствах [9].

Третья гарантия — состязательность и равноправие сторон. Онлайн-заседание является полноценным судебным заседанием, а не технической заменой присутствия. Поэтому дистанционный участник должен иметь возможность слышать и видеть ход процесса, заявлять ходатайства, представлять документы, задавать вопросы, возражать и пользоваться помощью представителя. Технические сбои, разрывы связи, задержки звука, невозможность загрузить документ или получить доступ к материалам дела должны оцениваться как процессуально значимые обстоятельства [8].

Четвертая гарантия — защита персональных данных и информационная безопасность. Судебная система обрабатывает один из наиболее чувствительных массивов информации: данные о частной жизни, семейных отношениях, здоровье, финансах, уголовном преследовании, адресах и документах. Поэтому утечка материалов дела,

несанкционированное изменение электронного документа, сбой уведомления или недоступность платформы в день истечения процессуального срока могут повлечь нарушение конституционного права на судебную защиту [5].

4. Искусственный интеллект и пределы алгоритмизации суда

Использование искусственного интеллекта в судебной сфере является неизбежным направлением дальнейшей цифровой трансформации. Алгоритмические системы могут быть полезны при распределении дел, поиске судебной практики, проверке комплектности документов, распознавании аудиозаписей, обезличивании судебных актов, анализе нагрузки и подготовке служебных уведомлений. Такие инструменты способны снизить техническую нагрузку на судей и аппараты судов.

Однако конституционный предел алгоритмизации проходит там, где технология начинает влиять на разрешение дела по существу. Принятие судебного решения не может быть автоматизировано, поскольку правосудие осуществляется только судом [1]. Алгоритм не обладает статусом судьи, независимостью, внутренним убеждением, ответственностью и способностью публично мотивировать властное решение. Он может помогать суду в работе с информацией, но не вправе становиться источником судебного вывода.

Наиболее опасна скрытая алгоритмизация: формально система лишь рекомендует, но фактически задает типовой результат, шаблон мотивировки или прогноз удовлетворения требований. В такой ситуации судья может оказаться под давлением статистического стандарта, а участники процесса — без возможности понять, повлияла ли цифровая рекомендация на исход дела. Поэтому применение интеллектуальных систем должно строиться на принципах человеческого решения, объяснимости, проверяемости, недискриминации, процессуального оспаривания и минимизации вмешательства [10].

Перспективная модель цифрового правосудия должна исходить из того, что искусственный интеллект допустим в организационной и аналитической плоскости, но не в плоскости замещения судебной власти. Итоговый судебный акт должен оставаться актом суда, принятым судьей или составом суда на основе закона, доказательств и внутреннего убеждения [11].

Заключение

Цифровизация правосудия является необходимым направлением развития судебной системы Российской Федерации, но ее правовая ценность определяется не уровнем технологической новизны, а способностью укреплять конституционные гарантии судебной защиты. Электронные документы, веб-конференции, личные кабинеты, электронные уведомления и цифровые судебные

сервисы должны расширять доступ к суду, повышать открытость и ускорять процессуальную коммуникацию. Отметим, цифровое правосудие не является самостоятельным видом правосудия. Это совокупность технологических форм реализации судебной власти, которые допустимы только в пределах Конституции РФ и процессуального закона. Никакая платформа, алгоритм или интеллектуальная система не может заменить судью и процессуальную форму. Суд будущего может быть электронным по форме, но должен оставаться человеческим, независимым, состязательным и открытым по существу [12].

Основными условиями конституционно корректной цифровизации являются многоканальный доступ к суду, сохранение бумажной альтернативы, процессуальный режим технических сбоев, защита персональных данных, прозрачность цифровых процедур, единые стандарты веб-конференций и нормативное регулирование искусственного интеллекта в судебной деятельности. Цифровизация правосудия допустима и необходима постольку, поскольку она помогает человеку обратиться в суд, быть услышанным судом и получить мотивированное судебное решение; она недопустима там, где технология начинает подменять судебную власть, снижать уровень процессуальных гарантий или превращать доступ к правосудию в привилегию цифрово подготовленных участников.

Список литературы:

- [1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: <https://www.ksrf.ru> (дата обращения: 06.06.2026).
- [2] 2. О судебной системе Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 1997. № 1. Ст. 1.
- [3] Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации: Федеральный закон от 22.12.2008 № 262-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6217.
- [4] Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448.
- [5] О персональных данных: Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3451.
- [6] Об электронной подписи: Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 15. Ст. 2036.
- [7] Газимагомедов М.А. История обвинительного уклона советских судов: вопросы статистики судебных решений // Судебная власть. 2026. № 1. С. 11-15.

[8] Грудцына Л.Ю. Исторические школы российского конституционализма: советский этап // Теория государства и права. 2026. № 1. С. 9-19.

[9] Грудцына Л.Ю. Прецедентное право в России de facto: правовые позиции высших судов // Московский научный вестник. 2026. № 1. С. 22-31.

[10] Грудцына Л.Ю. Прецедентное право в российской судебной практике // Судебная власть. 2026. № 1. С. 51-59.

[11] Грудцына Л.Ю. Судебный прецедент: история научного осмысления и развития в России // Судебная власть. 2026. № 1. С. 16-25.

[12] Грудцына Л.Ю., Иванова С.А. Реализация принципа добросовестности в преддоговорных отношениях // Московский научный вестник. 2026. № 1. С. 32-39.

[13] Даниленко Е.А. Типология методов и их роль в научном познании // Теория государства и права. 2026. № 1. С. 20-22.

[14] Иванова С.А. Судебная практика как проявление судебного нормотворчества в современной России // Судебная власть. 2026. № 1. С. 26-28.

[15] Кононов Д.А. Цифровизация судебной власти: взаимодействие искусственного интеллекта и человека // Судебная власть. 2026. № 1. С. 60-63.

[16] Кутяхов О.Е. Конституционно-правовые основы деятельности адвоката в гражданском процессе // Конституционное право. 2026. № 1. С. 34-39.

[17] Мардонзода С.Р., Солдатов А.П. О совершенных правонарушениях иностранными гражданами и лицами без гражданства в Российской Федерации и Республике Таджикистан: сравнительно правовой анализ // Публичное право. 2026. № 1. С. 72-75.

[18] Пронченко Д.С. Использование сравнительно-правового метода при характеристике реализации принципа разделения властей в России, США и ФРГ Теория государства и права. 2026. № 1. С. 66-70.

References:

[1] Judicial Department under the Supreme Court of [1] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on 12.12.1993 (as amended during the all-Russian vote on 01.07.2020) // Official website of the Constitutional Court of the Russian Federation. URL: <https://www.ksrf.ru> (date accessed: 06.06.2026).

[2] 2. On the judicial system of the Russian Federation: Federal Constitutional Law of 31.12.1996 No. 1-FKZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 1997. No. 1. Art. 1.

[3] On ensuring access to information on the activities of courts in the Russian Federation: Federal Law of 22.12.2008 No. 262-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2008. No. 52 (Part 1). Art. 6217.

[4] On Information, Information Technologies, and Information Protection: Federal Law of July 27, 2006 No. 149-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 31 (Part 1). Art. 3448.

[5] On Personal Data: Federal Law of July 27, 2006 No. 152-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 31 (Part 1). Art. 3451.

[6] On Electronic Signatures: Federal Law of April 6, 2011 No. 63-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 15. Art. 2036.

[7] Gazimagomedov M.A. The History of the Prosecutory Bias of Soviet Courts: Issues of Court Decision Statistics // Judicial Authority. 2026. No. 1. pp. 11-15.

[8] Grudtsyna L. Yu. Historical Schools of Russian Constitutionalism: The Soviet Stage // Theory of State and Law. 2026. No. 1. pp. 9-19.

[9] Grudtsyna L. Yu. Case Law in Russia De Facto: Legal Positions of the Higher Courts // Moscow Scientific Bulletin. 2026. No. 1. pp. 22-31.

[10] Grudtsyna L. Yu. Case Law in Russian Judicial Practice // Judicial Authority. 2026. No. 1. pp. 51-59.

[11] Grudtsyna L. Yu. Judicial Precedent: The History of Scientific Understanding and Development in Russia // Judicial Authority. 2026. No. 1. Pp. 16-25.

[12] Grudtsyna L. Yu., Ivanova S. A. Implementation of the Principle of Good Faith in Pre-Contractual Relations // Moscow Scientific Bulletin. 2026. No. 1. Pp. 32-39.

[13] Danilenko E. A. Typology of Methods and Their Role in Scientific Knowledge // Theory of State and Law. 2026. No. 1. Pp. 20-22.

[14] Ivanova S. A. Judicial Practice as a Manifestation of Judicial Rule-making in Modern Russia // Judicial Authority. 2026. No. 1. Pp. 26-28.

[15] Kononov D. A. Digitalization of the Judicial Authority: Interaction of Artificial Intelligence and Humans // Judicial Authority. 2026. No. 1. Pp. 60-63.

[16] Kutyakhov O.E. Constitutional and legal foundations of a lawyer's activities in civil proceedings // Constitutional Law. 2026. No. 1. Pp. 34-39.

[17] Mardonzoda S.R., Soldatov A.P. On offenses committed by foreign citizens and stateless persons in the Russian Federation and the Republic of Tajikistan: a comparative legal analysis // Public Law. 2026. No. 1. Pp. 72-75.

[18] Pronchenko D.S. Use of the comparative legal method in characterizing the implementation of the principle of separation of powers in Russia, the USA and Germany Theory of State and Law. 2026. No. 1. Pp. 66-70.